

ЭТИКА, КРИТИКА, ДИСЦИПЛИНА

Три слова. Три разных понятия. Между ними есть связи, их нельзя назвать обособленными. Но нельзя путать одно с другим.

Однако у нас в театре есть любители винегрета из этих понятий. Одни без злобы, с искренним увлечением и чувством своей правоты сваливают все в один котел, другие сознательно пользуются в личных интересах различными дозами его содержания. Под флагом критики иные попирают элементарные этические нормы. В мечтах о дисциплине тонет рациональное зерно критики. Отсутствие простой этики и такта разваливает дисциплину.

Артистка, сильно зараженная «бациллой» премьерства, в самозабвенной влюбленности в себя в недопустимой форме оскорбляет товарищей по работе, подкрепляя это срывом дисциплины. Что же, принимать это за критику?

Выпускается новый спектакль. С первых же дней работы над ним и часто даже до начала постановки участников нового спектакля начинает окружать стена скептицизма и недоверия. Как чума в древности, зараза скепсиса разносится по театру, выходит за его пределы, и к генеральной репетиции в зрительном зале царит предубеждение — проклятие каждого искусства. Иногда этой страшной болезнью, часто с примесью непонятной злобы, заболевают и те, кто не попал в «первый состав».

Надо ли критиковать новый спектакль в процессе его подготовки и выпуска? Да, конечно, да! Но, собирая конгломерат недостатков, подумал ли ты о том, что твои товарищи имеют тоже творческие достоинства, которые ты обязан уважать, что постановщики спектакля — люди, полные волнения и страстного желания сделать спектакль лучше, имеют свое мнение, продуманное и часто выношенное в страданиях бессонных ночей. И тебе еще надо доказать преимущества твоего вкуса и видения данного спектакля.

Но доказывать-то чаще всего

бывает труднее, чем просто «критиковать». Здесь должен быть серьезный, на высоком уровне спор. Поэтому, решают некоторые, лучше не идти на обсуждение новой работы театра, а вот позлословить в коридорах, «развернуть» свою концепцию, держа за пуговицу пальто своего дружка где-нибудь на углу Столешникова и Петровки, — это куда легче. Отведешь душу, прослывешь «объективным», сделаешь приятное дружку (ведь он обязательно «обижен» на Большой театр, так как еще или уже не работает в нем). Таким образом, уколешь театр работать в котором ты, между прочим, мечтал всю свою артистическую жизнь.

Что это? Наличие критики, отсутствие этики или вопрос дисциплины?

В старом, императорском Большом театре было зафиксировано правило: артист нигде не имел права высказывать громко свое отношение к деятельности товарищей по работе. К лицу ли это правилам внутреннего распорядка советского театра? Думаю, что это запрещение оскорбительно казенно. Но...

Идет спектакль. В артистической ложе полно народу. «Ахи, охи», экзальтированное и не всегда объективное обсуждение работы своих же товарищей артистов вызывают удивленное внимание соседей-зрителей. Они прислушиваются. И вот так «просто» искусство высекается сплетней, вкусовщиной, легкомыслием.

Демагог скажет: что же я не могу вслух сказать, кому хочу, правду? Но ты забыл, что такое этика! Она диктуется нашей жизнью. Она — форма общественного сознания в стране социализма, нашей великой Родине! Великие принципы и гуманный идеи человечества нормализуют отношения друг к другу советских людей. Этим идеям обязан подчиняться каждый. Артист же должен срастись с ними, они должны стать для него естественными и органичными.

Или некоторые уже забыли, а

Б. ПОКРОВСКИЙ, главный режиссер театра

может быть, по невежеству и не знали учения К. С. Станиславского об этике? Индивидуалист, противопоставляющий себя коллективу, возмнивший о своем личном искусстве невесть что, обязательно обнаружит свои «достоинства» в творчестве. И «обнаруживает»!

Есть производственные совещания, есть сквозные бригады общестественности по спектаклю, есть художественное руководство, есть партийные и общественные организации, наконец, есть право сказать товарищу по коллективу свое мнение о его работе прямо в глаза. Говори, критикуй, но так, чтобы помочь, а не помешать!

«Шептуны» обрекают на провал любую новую работу театра. Как хорошо, что их прогнозы чаще всего не оправдываются!

По коридору идет артист. Было время, он был молод, восхищенно смотрел на старших «знаменитых». Годы труда и волнений принесли признание, известность, солидность и поседевшие виски. Он снял шапку. Навстречу — молодой рабочий или едва окончившая балетную школу милая девушка. Как правильно, в лучшем случае они ответят на приветствие «заслуженного». Но первым поздороваться с ним, если они с ним лично не знакомы, им в голову не придет. Может быть, это им кажется подрыгом демократизма во взаимоотношениях? Может быть, они боятся душевных упреков в подхалимстве? А понятие уважения к старшим? Неужели оно должно отмереть?

Человек «устроен» так, что часто считает себя правым и ценит, любит и уважает тех, кто его хвалит. В известной степени мы все больны этим. Но тут в помощь нам и приходит могучий элемент новой

социалистической морали — критика и самокритика. Именно она стала той пружиной, которая определяет прогресс нашего общества.

Как к большому красавцу-кораблю прилипает всякая паразитическая нечисть, так и эту силу кое-кто попытался приспособить на службу своим личным интересам. Стало ясно, что есть критика и «критика», есть доброжелательная (на пользу дела), а есть мстительная или «оборонная». Многие стали считать, что критиковать легче, чем обнаружить свои ошибки, уничтожить их. На мой взгляд, самокритика у нас развивается туго, и это плохо.

Многие выступления на последнем профсоюзном собрании в опере — демонстрация всего вышесказанного, достойная сатиры А. Райкина. Надо знать, что даже весьма дельные замечания дискредитируются личной подоплекой и стремлением выпятить свою персону.

Подлинная критика предусматривает, во-первых, общественные интересы, а потому должна быть доказательной, принципиальной и объективной. Разговор о себе (во-вторых) полезен лишь с точки зрения самокритики. И, в-третьих, если твои положительные стороны отмечают другие, это всегда выглядит убедительнее.

На сцене режиссер (дирижер, художник) хочет зарезать артиста или коллектив атмосферой данного куска спектакля. А рядом равнодушные, «казенные» лица. В такой обстановке усилия одного актера кажутся глупыми и наивными. Своим официальным отношением окружающие не помогают еще робким росткам его будущей роли. Формально все в порядке, по существу — помеха развитию подлинного искусства. Стук за кулисами, спокойный и ровный разговор, может быть, даже «по делу» разрушают творческую атмосферу. Много вреда искусству, его развитию приносят казенщина и равнодушие.

Одна артистка ждет другую (стогворились вместе идти куда-то). Место ожидания и встречи — зрительный зал, где идет репетиция. Подруга пришла. Беседуя, обе, увлеченные перспективой будущей прогулки, уходят. Уходящие спины привлекают внимание репетирующих. Пустяк? Нет, помеха репетиции, дисциплинарный и этический проступок! Может быть, закрыть дверь, не пускать на репетицию? А вдруг среди тех, кто сидит в темной глубине зрительного зала, есть кто-то, чье сердце бьется пульсом сцены, и, может быть, завтра он принесет сюда радость, зародившуюся здесь, на этой репетиции, в момент, когда на него никто не обращал внимания. А вдруг в нем искорка тех, кто работает на сцене, вызвала творческий жар? Да к тому же: «что это они секретничают?», скажет каждый.

Дисциплина труда — это выпол-

нение всеми без исключения правил, которые определяют подлинные и верные взаимоотношения людей в производстве. Чем крепче она стоит на почве сознательности, тем она могущественнее. Не казенный закон и предписание, не окрик «начальника», не страх лежат в основе нашей трудовой дисциплины, а сознание своих обязанностей перед обществом, коллективом, товарищами, делом.

Бывает радостно, когда большая репетиция с участием хора проходит творчески напряженно и без единого слова «тише». Но стоит кому-нибудь нарушить нормы, и все идет кувырком. На одной из репетиций помощник режиссера «замешкался» и начал ее на четыре минуты позже. Через пять минут обнаружилось, что один станок испорчен, и постановочная часть стала его чинить. Ушло еще пять минут. По арифметике — потеряно девять минут. По творческому состоянию — вся репетиция стала неполноценной. Эти девять минут — минуты потери творческой собранности, ответственности, минуты отвлечения от творческого процесса, минуты, разлагающие дисциплину.

Кто-то, равнодушный к искусству и отъявленный враг театра, посеял уверенность у работников нашей сцены, артистов в том числе, что на сцене во время действия можно говорить в голос, шумно менять декорации, стучать каблуками и даже прибывать гвозди («в зале не слышно!»). Помощники режиссеров, заведующие коллективами приняли «на вооружение» эту «меру» уничтожения искусства и утвердили это безобразие как норму поведения. Е. Нацкий, П. Данилов, М. Малинина, В. Преображенский, И. Вишневецкий... Ваша жизнь и по душе и по времени на 95 процентов связана с деятельностью Большого театра. Ваша любовь к нему доказана временем и делом. Ваш личный пример и непримиримая война за тишину окажут неоценимую услугу художественному процессу на спектаклях и репетициях!

Работа в театре все еще некоторым представляется как пожизненное благополучие. Слишком много я и мало мы! Слишком мало «для театра» и слишком много «для меня».

Не казенный закон-запрет владеет нашим поведением, а сознание своей ответственности перед театром.

Но тот, у кого эта ответственность от благодушия и безнаказанности притупилась (кстати, и художественное руководство и дирекция вместе с партийными и общественными организациями совершают здесь вредное непротивленчество), может оказаться вне общей творческой жизни театра.

182